

А. Г. Дружинин

ДИХОТОМИИ ЕВРАЗИЙСТВА:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем

Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Институт географии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

Принята к публикации 01.04.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9

102

Для цитирования: Дружинин А. Г. Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 102 – 114. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9.

Евразийство относится к числу традиционных и наиболее важных для России и ее геостратегии интеллектуально-политических течений. Значимость культивируемых в рамках евразийства постулатов и подходов особым образом возросла в контексте резко проявившегося в последние годы конфликта в системе «Россия – Запад» и соответствующей переориентации геэкономических приоритетов Российской Федерации на страны «Мирового большинства». Актуализация евразийства и его широкое укоренение в российском научном дискурсе сочетается с его современной концептуальной «размытостью», вариативностью трактовок, с наличием присутствующих идеологемам евразийства глубинных противоречий и проблемных областей, осмысливаемых автором в качестве «дихотомий евразийства». В статье акцентирована сущностная двойственность евразийства, соединяющего элементы верифицируемого научного знания с идеологическими установками, что позволяет рассматривать его как особого рода геоидеологию. Выявлены содержательные различия между положениями евразийской «классики» (труды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и др.) и преобладающими в XXI в. направлениями евразийства («неоевразийство», концепты «Большой Евразии», «Северной Евразии»). Показаны присущие евразийству одновременность универсализма (в общероссийском и материковом масштабе) и выраженность «россиецентрированности», а также сочетание апологетики геэкономического и геокультурного изоляционизма с мощным интеграционным межнациональным и межстрановым посылом. Обоснована необходимость дальнейшего развития евразийства, в том числе в рамках проблематики общественной географии.

Ключевые слова: евразийство, национальная доктрина, Евразия, Россия, общественная география

Введение

Присущие современному мироустройству масштабные, подобные «тектоническим сдвигам» [30], геоэкономические и геополитические изменения актуализируют глубинное осмысление феномена современной России, ее этнокультурной и территориально-хозяйственной специфики, цивилизационных особенностей, конфигурации внешних рубежей и сфер интересов, равно как и позиций, приоритетных партнерств, наконец, роли, «веса», перспектив и стратегий на постсоветском пространстве, в сопредельных макрорегионах Евразии. В данном контексте вновь, как уже многократно (начиная с 1860-х гг.) было в отечественной истории, приумножились резоны для восприятия нашей страны как «не Европы» (не Запада), сформировался запрос на обновленное видение (и обоснование) российских внешних политико-географических рубежей, на рассмотрение (в качестве наиболее насущного и первостепенного) «восточного вектора» во внешнеэкономической, внешнеполитической ориентации Российской Федерации, в ее внутренней политике, в вопросах пространственного развития, наконец, на выстраивании более сбалансированных, учитывающих размер и разнородность российской территории, межрегиональных, межнациональных и межконфессиональных отношений.

Осовремененная, адекватная реалиям третьего десятилетия XXI в. концептуализация России (включая и геостратегически ключевой вопрос ее самоопределения как одного из планетарно значимых «полюсов» экономико-технологической и геополитической активности) в этой связи во все возрастающей мере неизбежно становится сопряженной и взаимоувязанной с культивированием воззрений и подходов евразийства (в целом сформировавшегося столетие назад [10] и не без основания рассматриваемого уже в постсоветский период [19] в качестве важнейшей для страны геополитической доктрины), восприятием и осмыслением его базовых постулатов, с развитием составляющих его сущностную сторону положений. Многие из них при этом противоречивы, уязвимы для критики (что наглядно иллюстрирует обширнейшая отечественная и зарубежная научная литература [2; 15; 20; 21; 28; 29; 31; 32; 34; 35]) и подчас вступают в диссонанс как с текущей политико-экономической и социокультурной ситуацией, так и с исследовательским инструментарием и достижениями современной науки, что существенно усложняет и тормозит укоренение евразийских идей в научном и политическом дискурсе, их понимание, признание, практическую аппликацию. Цель статьи — высветить имманентную евразийству и его важнейшим (апеллирующим к пространству, к географии) идеологемам содержательную двойственность («дихотомичность»), показать ее причинность, сильные и слабые стороны, а также возможности преодоления.

Евразийство как геоидеология: между научными подходами и политико-идеологическими доктринами

Евразийство, воспринимавшееся его классиками-основоположниками в качестве «политического, идеологического и духовного движения, утверждающего особенности культуры Российско-Евразийского мира»

[16, с. 7], изначально опиралось на серьезный междисциплинарный теоретический и фактологический базис, в целом соответствующий передовым рубежам науки конца XIX — начала XX в., включая и географическое знание, активно развиваемое в тот период [24], в том числе в России.

«Географичность» евразийства проявлялась не только в особом лексиконе (концепты «Евразия», «месторазвитие», «евразийский мир», «Россия-Евразия»), но и в культивировании (с фокусом на природную обусловленность) понимания некоего «географического задания» для страны, акценте на фактор пространства (связь «народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усвоит» [4, с. 5]), на его структурировании, в том числе признании фактического многообразия региональных культур, их самоценности и равнозначности.

Комплементарность классического евразийства (1920–1930-е гг.) системе географического знания далее нарастил (подкрепив обширнейшим фактологическим материалом исторического и историко-географического плана) историк и географ Л.Н. Гумилёв, став (в позднесоветскую эпоху) ключевым адептом евразийства и его популяризатором, развив евразийские подходы представлениями об этнической обусловленности трансформаций евразийского пространства, о ритмах этногенеза, о роли в этом процессе феномена пассионарности [6; 7]. Привнеся евразийские идеи в постсоветский дискурс, Лев Николаевич усилил их «естественно-научный» и историко-фактологический крен, но при этом, как видится, нарастил барьеры между евразийством (все предшествующие десятилетия пребывающим в политической не востребоваемости и общественно-интеллектуальной маргинальности) и связанными с постмодерном интеллектуальными новациями второй половины XX столетия в области гуманитарных и социально-экономических наук. Если присовокупить к этому четко проявившееся с момента распада СССР несоответствие между продуцируемой евразийством географической картиной мира и реалиями глобализации, равно как и геоэкономическими и геополитическими метаморфозами самой Евразии (обретающей полицентризм, фрагментируемой, испытывающей возрастающее воздействие внешних сил [9]), то уместно констатировать нарастающую с начала 1990-х гг. квазинаучность постсоветских инвариантов евразийства, низведение изначально системно выстроенного и разнопланового учения до геополитических лозунгов и упрощенных понятийно-терминологических шаблонов.

Научно-идеологическое течение в итоге мимикрировало, содержательно «растаскивалось», превращаясь в набор категорий-символов («Евразия», «евразийский»), оперирование которыми все чаще и основательнее подменяло профессиональный анализ сложного, подчас противоречивого контента. В евразийстве все меньше становилось реального «гео-» (адекватного восприятия фактических пространственных структур, процессов, отношений), а все больше дистанцированных от общественно-географической реальности политологических и социологических схем. Подобная ситуация ознаменовала не только кризис евразийства, но и высветила его базовую, основополагающую дихотомию, чья суть — «присутствие» в евразийских представлениях не только

научных концептов, страноведческой и иной фактологии, но и идеологических схем, а также политических деклараций. Симбиоз научного с квази- и даже паранаучным, эмпирических сведений и корректных логических умозаключений с географическими образами и геостратегическими устремлениями («данностей» и «заданностей», если следовать уже имеющемуся лексикону [29]) позволяет рассматривать евразийство как сложившуюся в специфическом российском пространственно-временном континууме особого рода геоидеологию, то есть некую относительно целостную и непротиворечивую совокупность взглядов, убеждений и идей, апеллирующих к пространству (его структуре, конфигурации, динамике) и одновременно ориентированных на его доведение (преобразование, сохранение, расширение и т.п.). до некоего геополитически мотивированного «нормативного» состояния.

От евразийской интеллектуальной классики к параевразийству современности: единство генезиса, инвариантность интерпретаций

Став интеллектуальной реакцией российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряженную с ним ситуацию периферийности, дополняемую периодически возникающим кризисом в системе «Россия — Запад», а также резко возросшими после Крымской (Восточной) войны проявлениями геоснобизма со стороны кластера «цивилизованных государств», евразийство как особый геоидеологический конструкт выкристаллизовывалось благодаря усилиям как минимум 6–7 поколений (начиная с середины XIX в.) российских ученых, мыслителей, литераторов. Подобная пролонгированность тренда, равно как и достаточно широкое (в самой России/СССР преимущественно уже в постсоветский период) тиражирование евразийской терминологии и идей, во-многом предопределили их эволюцию и, соответственно, современную поливариантность, практическую множественность «евразийств» как непосредственно в Российской Федерации (где в дискурсе, циркулируя, одновременно сосуществуют «неоевразийство», представления о «Большой Евразии», «Северной Евразии»), так и за ее пределами (сербское евразийство, турецкое евразийство, евразийство в Казахстане, туранизм в Венгрии и др.).

Сочетание единого генезиса евразийских идей (их «классической» основы, определяемой взглядами и категориальным аппаратом Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и др.) с последующим плюрализмом интерпретаций и аппликаций евразийства дополняется дихотомией между интернационализацией ключевых евразийских подходов и постулатов (чья универсалистская сторона — акцент на равноценности территориально локализованных культур, этнокультурных целостностей, цивилизаций, равно как и манифестация самоидентификации и самоопределения территориальных общностей) и общей (как в ретроспективе, так и сейчас) преобладающей «россиецентрированностью» евразийства, выступающего прежде всего геоидеологией, сформированной в России, ориентированной на реалии и интересы нашей страны.

Именно в евразийстве предельно четко проявляется «национальная определенность» российской геополитики и именно евразийство (по П. Н. Савицкому — стержневая идеология русского народа [25]), являя рефлексию на общественно-географическую динамику, дополняя и корректируя географическую картину мира, «живет» преимущественно в российской социально-политической динамике, в нашей идентичности, ментальности, дискурсе. В этом своем качестве (единства не вещественного и вещественного, а также универсального и национального) постулаты евразийства должны восприниматься, оцениваться, но при этом никак не абсолютизироваться, не быть избавленными от процедуры верификации и содержательной критики.

Евразийская апологетика России как «особого мира» и заключенный в концепте «Евразия» интеграционный посыл

Евразийский проект (как справедливо подчеркивал почти три десятилетия назад А. С. Панарин) «воспринимает различие региональных культур... с позиций непреходящего и самоценного многообразия» [21, с. 167]. Сама Россия, согласно П. Н. Савицкому, «есть не только “Запад”, но и “Восток”, не только “Европа”, но и “Азия”, и даже вовсе не “Европа”, а “Евразия”» [16, с. 2]. Подобного рода концептуальное обособление России в качестве «особого мира» является безусловным ключевым моментом присущего евразийству миропонимания. Однако, согласно методологии современной географической науки, «мир = миры» [27] и в идеологемах евразийства в этой связи четко проявляется еще одна значимая дихотомия — между интеллектуальной установкой на обретение (понимание) суверенности, на дистанцирование от чего-либо внешнего и большего («Европы», «Запада» и т. п.), частью которого в той или иной мере эпизодически выступает сама Россия (в X в. испытав византийское цивилизационное влияние, в XIII — став частью Улуса Джучи / Золотой орды, а с XVII в. оказавшись в ареале европейского культурного доминирования, уже в XX в. трансформировавшегося в формат глобализации [8]), и одновременно геополитическим обоснованием выстраивания самостоятельной, масштабной, целостной пространственной структуры («России-Евразии»), «собранием» (политическим, экономическим, культурным) в ее собственном контуре народов, регионов, стран.

Характерно, что если для коллективного Запада, для глобалистских сил, воспринимающих всю планету как пространство своего эксклюзивного доминирования, евразийство являет один из вариантов регионализма, то для России — это, по существу, идеология не только (и не столько) изоляционистская, сколько интеграционная, по отдельным аспектам глобалистская (регионального интеграционизма, русского глобализма). Подобная двойственность предопределяется практической невозможностью быть значимым, различимым в общепланетарном масштабе, не обладая самобытностью, спецификой, не интегрируя обширные массивы территории с присущей им палитрой типов расселения, экономических специализаций, этносов, конфессий, культур. Именно Евразия (в ее геополитическом, геокультурном понимании) в этой связи представляет собой пространственный базис, фундаментальное условие

общепланетарного позиционирования России. Приоритетные же позиции России в Евразии (в том числе собственно территориальные, учитывая, что даже современная Российская Федерация занимает около 32 % площади материка), воспроизводство нашей страной исторически сложившейся, географически обусловленной ее евразийской сущности — это своего рода «пропуск» в «высшую лигу» геополитики и геоэкономики (Х. Маккиндер [33] совсем не случайно фокусировал внимание на феномене Хартленда и его планетарной геополитической значимости). Именно таковой была реальность на рубеже XIX—XX вв., мало что изменилось здесь и в наши дни, характеризуемые не только фрагментацией глобального геополитического и геоэкономического пространства, но и резко обострившейся борьбой за лидерство в Евразии, за передел сфер влияния (хозяйственного, военно-политического, культурного) в общепланетарном масштабе.

Опыт постсоветского периода свидетельствует, что, становясь в зависимость от экзогенных сил позицию, испытывая идущие извне импульсы глобализации и, соответственно, периферизации, Россия не способна оставаться доминантой в Евразии. Но для евразийского позиционирования России столь же непродуктивна и автаркия, уподобление некому цивилизационному «острову». В современном мире, обретающем многополюсность, но по-прежнему в существенной мере целостном и взаимозависимом, успешно интегрировать евразийское пространство можно, только активно и эффективно действуя на глобальном поле, реализуя глобальную геостратегию, продвигая общемировую повестку.

Парадоксально, но применительно к России в дихотомии «евразийство — западничество» именно последнее (столь же традиционное для российской геополитической культуры [17], выступающее очевидной антитезой евразийству), прочерчивая миражи гипотетического благополучия на основе встраивания в более масштабную (и мнимую «передовую») структуру, не столько расширяет наши национальные хозяйственные, культурные и геополитические возможности и горизонты, сколько ориентирует на возрастающий провинциализм, последовательное купирование геостратегических возможностей и амбиций. Аналогичного эффекта, впрочем, можно ожидать и от китаецентризма, все ошутимее дополняющего ныне «западничество» (и при определенных обстоятельствах через одно — два поколения способного во многом если не заместить, то уравновесить его).

Месторазвитие: дихотомия устойчивости и изменчивости

«Евразия, — подчеркивал П. Н. Савицкий, — как единый географический мир как бы “предсоздана” для образования единого государства» [23, с. 259]. Эта ситуация «предсозданности» осмысливается евразийством в рамках особой географической категории — «месторазвитие», понимаемой как пространственно четко оконтуренный итог природных условий и социальной активности, некое «единое лоно» жизни народа.

Вся история распространения русского государства, отмечал Г. В. Вернадский, есть в значительной степени история приспособления русско-

го народа к своему месторазвитию — Евразии, а также приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа [4]. Постулируя взгляд на евразийский мир как на замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, Н. С. Трубецкой полагал, что «сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [26, с. 52]. Этот же посыл разделяет и современное нам «неоевразийство». Согласно А. Г. Дугину, «Евразия, имеет очень древние корни, гораздо более древние, чем только славянские или русские, чем царская Россия или Советский Союз. В этом отношении все формы, объединяющие Евразию, имеют некоторый общий стиль — особую территорию, которая не интегрируется ни в Европу, ни в китайскую, иранскую, индийскую или семитскую цивилизации. Данная территория представляет собой абсолютно отдельную зону, которая объединялась с исторически разными народами и под разными идеологиями. Однако это всегда была Евразия или Великий Туран» [11, с. 147].

Евразийство в итоге, с одной стороны, допускает множественность «месторазвитий» и их разноразмерность (согласно К. А. Чхеидзе, одному из авторов «евразийских» статей «классического» периода, «месторазвития» уместно ранжировать от «простых», присущих той или иной группе людей, например племени, до предельно крупных, соответствующих «государству-материку», как «евразийцы» именовали Россию, и в целом земному шару [25]. С другой — евразийство ориентирует на превалирующую статичность сетки «месторазвитий» и эксклюзивность, доминантность «месторазвитий» особого (соответствующего всей исторической России в целом) иерархического уровня. Однако с позиций современной общественной географии вряд ли методологически корректно признание какого-либо из уровней пространственной таксономии (глобального, метарегионального, странового или регионального) в качестве доминантного, эксклюзивного. Подобный выбор возможен лишь как политически (геополитически) мотивированный, воплощенный в формат той или иной национальной (государственной) идеологии.

Существенно также, что общественно-географические «миры» (в том числе цивилизационного уровня) теоретически равнозначны, но практически неравновесны; они существуют в своих неустойчивых «взаимоналожениях», зависимостях и даже иерархиях. Сам статус «особого мира» столь универсален, что не может и не должен абсолютизироваться (по крайней мере в научном исследовании), в том числе и применительно к такому его свойству, как целостность. Пространственная структура «особых миров» также не есть константа. Более того, необходимо осознавать, что «в основе больших государств лежат не естественные ниши, а цивилизационные идеи мощного интеграционного характера» [21, с. 243]. Представления о «месторазвитии» должны быть в этой связи обязательным образом скорректированы с позиций динамического (эволюционного) подхода, учета феномена полимасштабности, признания возможности «взаимного напластования» месторазвитий и их превалирующего социально-экономико-политического генезиса. Что касается собственно России, то, определяя ее как «особый мир», необходимо од-

новременно воспринимать и признавать его эволюционный характер (способность не только к географическому расширению, но и к «сжатию», цикличности, пульсациям), понимая, что никаких «естественных» и извечных границ «Евразии» (не материка) быть в итоге не может, как, следовательно, нет и predeterminedности геополитического позиционирования в их контуре того или иного государства, включая Россию.

Как подчеркивал выдающийся отечественный (советский) философ М. К. Петров, установка на стабильность, которую человек использует в основных областях своей деятельности, совершенно несостоятельна в деятельности по определению своего будущего [22]. Присущий современным интерпретациям евразийства воплощенный в категории «месторазвитие» (а также «пассионарности» Л. Н. Гумилёва и принадлежавших его авторству представлениях о ритмах этногенеза, в том числе применительно к Евразии [7]) симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма дезориентирует российское общество, продуцирует в нем обманчивое, контрпродуктивное видение некоей природно-географической предначертанности, predeterminedности (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и геополитических интересов России. Он же препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах будущего страны, укрепления ее позиций и перспектив, в том числе в контуре непосредственно евразийского пространства.

«Россия-Евразия» как сердцевинный концепт евразийства: смысловая двойственность, стратегическая поливариантность

Концепт «Евразия» омонимичен [28], но конкретизирующая (в евразийской геополитической доктрине) его формула «Россия-Евразия» также вмещает множественность смыслов. Изначальный, классический из них: Евразия — это Россия (и наоборот), причем последнее наиболее актуально именно в современной нам ситуации, когда особым образом востребован акцент на геополитической и социокультурной обособленности (суверенности) Российской Федерации и синтетической, евразийской специфике ее территорий.

«Евразия, полагал П. Н. Савицкий, это значит: Россия должна жить сама по себе, дозвель сама над собой, сама должна являться светом для себя» [13, с. 164]. Российская Федерация — это и есть фактический ключевой элемент современного «евразийского пространства». И воспринимать пространство России нужно именно как «Евразию» (учитывать наличие у страны и своей «Европы», и своей несомненной «Азии» с многообразием интегрирующих эти геокультурные сущности крупнейших городских агломераций и обширнейших «переходных», с плавным изменением качественных характеристик территорий). Осознавая все возрастающую «евразийскую сущность» российского пространства при выработке и реализации соответствующей федеральной политики, следует при этом делать акценты не на Евразии, а именно на России, на укреплении позиций российской государственности и русской культуры.

Впрочем, невозможно не признать — после распада СССР тождественность России (СССР) и Евразии стремительно утрачивается. Россия остается евразийским государством, но самой «Евразии» становится «все больше» непосредственно за политико-географическими рубежами нашей страны, в сфере трансграничной, международной коммуникации. Характерно, в частности, что если в 1989 г. примерно каждый второй проживающий на планете представитель тюркоязычных этносов (а фокусировка внимания на взаимодействии тюркоязычных народов и славян, прежде всего русских, — один из содержательных столпов евразийства) был гражданином СССР, то для Российской Федерации соответствующий показатель варьируется в диапазоне от 6,5 до 12 % (если учесть и диаспоры трудовых мигрантов). Сохраняя свою «тюркскую» ипостась, современная Россия объективным образом оказывается преимущественно периферийной по отношению к так называемому «Тюркскому миру» (к примеру, на территории Турецкой республики сконцентрировано не менее 35 % всего тюркоязычного населения Земли). Схожие подвижки имеют место и в экономической сфере. Все это позволяет полагать, что «Евразия» (как она провозглашалась классиками евразийства) все последние три десятилетия «сжимается» и одновременно «расширяется» [9]. И если внутри России в данном контексте приоритет должна получить именно российская идентичность, особым образом русская, учитывая, что, по данным последней переписи, 16,6 млн россиян не указали собственную национальность (но, подчеркнем, никакая не «северная», не «Северной Евразии», что в последнее время настойчиво продвигается [5; 14]), то за контуром наших рубежей в интересах России культивировать и тиражировать идентичность евразийскую. Это повышает, в частности, ценность и востребованность озвученной уже в «посткрымский» период идеи «Большой Евразии» [1; 3; 12; 18] с обязательной, как видится, установкой на взаимно поддерживающее соразвитие евразийских государств (причем не только постсоветских).

Актуальность и сохраняющаяся концептуальная жизнеспособность формулы «Россия-Евразия» предопределяется и возможностью выстраивания на ее основе гипотетической множественности подчас альтернативных геостратегий Российской Федерации. В их числе вычленим базовые.

1. Ретроградная объективистская, основывающаяся на понимании, что историческая Россия — это Евразия, и связанный с этим обстоятельством потенциал «колеи зависимости» следует поддерживать и задействовать.

2. Ревизионистская интеграционная, базирующаяся на идее, что подлинная, полноформатная Россия и ее «естественные» границы — это Евразия (в понимании «классиков»). Своим политико-географическим контуром Россия, соответственно, должна вновь вернуться к границам Евразии.

3. Минималистская изоляционистская («островная»), исходящая из признания фактического положения Российской Федерации как наиболее значимого и крупного обособленного фрагмента современного «ев-

разийского пространства». Территории же самой России в русле подобного подхода нужно воспринимать именно как «Евразию» (учитывать ее разнородность и сложность).

4. Адаптивная интеграционная, связанная с тем, что для России Евразия (особым образом — постсоветские государства и их регионы) — естественная среда и условие жизнедеятельности, что требует от Российской Федерации выстраивания евразийских альянсов и партнерств (в том числе в формате «Большой Евразии»).

Во всех перечисленных случаях, вне зависимости от конъюнктурной приоритетности той или иной геостратегии, общий геоидеологический акцент применительно к нашей стране неизбежно должен (и будет) смещаться от «Евразии как России» к собственно «России в Евразии» и «России как Евразии».

Заключение

Евразийство явилось интеллектуальной реакцией части российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряженную с ним ситуацию периферийности, дополняемый периодически возникающим кризисом в системе «Россия — Запад», а также проявлениями геоснобизма со стороны «цивилизованных государств». Вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создает возможности для ренессанса евразийства в нашей стране. Актуализация евразийства будет протекать в русле все четче осознаваемой российскими обществоведами «национальной определенности» своих исследований и идей. Евразийство — это и есть, по существу, наша исторически сложившаяся интеллектуальная «национальная определенность», в том числе в общественной географии, включая ее геополитический аспект.

Приверженность евразийству как особой геоидеологии применительно к сфере интересов российской общественной географии, как видится, предполагает следующее.

1. Признавая реалии формирующегося многополюсного мира, видеть Россию одной из его относительно самостоятельных, самобытных составляющих, плотно, по многим направлениям инкорпорированных в глобальные хозяйственные, культурные, политические и информационные процессы.

2. Поддерживая конъюнктурный «поворот» России на Восток и Юг, признавать необходимость многовекторности пространственного развития страны (включая и активность на западном ее направлении, в частности на Российской Балтике, включая Калининградский эксклав).

3. Не «отрывать» (в том числе ментально) те или иные крупные регионы России (в том числе Сибирь) от остальной территории страны.

4. Воспринимать «ближнее зарубежье» и в целом сопредельные с Россией пространства как приоритетную сферу интересов и важнейшую область для российского зарубежного страноведения, которое должно развиваться «в увязке» с российским регионоведением.

5. Воспринимая Россию как «единство разного» (в этнокультурном и социально-экономическом отношениях), повсеместно делать акцент на интеграционных (межрегиональных, межмуниципальных) приоритетах и структурах.

6. Ориентируясь на необходимость обеспечения баланса в пространственном развитии и достижения социально-территориальной солидарности и справедливости, воспринимать узловые компоненты урбанистической сети (в первую очередь Московскую агломерацию) в качестве важнейшего условия позиционирования России в Евразии.

Завершая, подчеркну, что не нужно стремиться превращать евразийство в «символ веры», равно как и не следует его «сторониться». Данное интеллектуальное течение необходимо знать, понимать, подвергать ревизии и развивать, учитывая его множественные содержательные дихотомии, адаптируя к меняющемуся миру, ориентируясь на Россию и наши национальные геостратегические интересы.

Исследование выполнено по теме госзадания Института географии РАН (№ FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы»).

Список литературы

1. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. №4. С. 5–14.
2. Бордачёв Т. В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, №5. С. 194–205.
3. Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. №3 (44). С. 9–26.
4. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927.
5. Головинёв А. В. Северность России. СПб., 2022.
6. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
7. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
8. Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов н/Д, 1999.
9. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов н/Д, 2016.
10. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д, 2021.
11. Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, №1. С. 142–152.
12. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, №4. С. 5–24.
13. Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Берлин, 1923.
14. Замятин Д. Н. Северная Евразия на стыках планетарных геокультур: сопостранственность и пограничность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, №7. С. 103–117.

15. Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007.
16. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.* Кн. 1. София, 1921.
17. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
18. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Вопросы географии. Вып. 148 : Россия в формирующейся Большой Евразии. М., 2019. С. 357–372.
19. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000.
20. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. М., 2004.
21. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995.
22. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.
23. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Прага, 1927.
24. Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980.
25. *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев.* Кн. 7. Париж, 1931.
26. Грубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.
27. Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. №6. С. 8–18.
28. Цымбурский В. Л. Две Евразии: ономимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. №1-2. С. 6–30.
29. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.
30. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 3–21.
31. Bassin M. «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // *Ab imperio*. 2003. №2. P. 257–266.
32. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. (eds.). *Between Europe and Asia. The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism.* Pittsburgh, 2015.
33. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. №23. P. 421–437.
34. O'Loughlin J. Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era // *Geopolitics*. 2001. Vol. 6, №3. P. 17–48.
35. Smith G. The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1999. Vol. 24, №4. P. 481–494.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин – д-р геогр. наук, проф., Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущ. науч. сотр., Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

A. G. Druzhinin

**DICHOTOMIES OF EURASIANISM:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 21 March 2024

Accepted 01 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9

114

To cite this article: Druzhinin A. G. 2024, Dichotomies of Eurasianism: A Socio-Geographical Analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 102–114. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9.

Eurasianism is among the traditional and most significant intellectual-political currents for Russia and its geostrategy. The importance of the postulates and approaches cultivated within Eurasianism has notably increased in the context of the sharply manifested conflict in the “Russia-West” system in recent years and the corresponding reorientation of the Russian Federation’s geoeconomic priorities towards the countries of the “Global Majority.” The actualization of Eurasianism and its broad entrenchment in Russian academic discourse is combined with its contemporary conceptual “fuzziness,” variability of interpretations, and the presence of deep contradictions and problematic areas inherent to Eurasian ideological concepts, which the author conceptualizes as “dichotomies of Eurasianism.” The article emphasizes the essential duality of Eurasianism, combining elements of verifiable scientific knowledge with ideological principles, allowing it to be considered a unique form of geo-ideology. It identifies substantive differences between the positions of classical Eurasianism (works of N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, G. V. Vernadsky, etc.) and the prevailing directions of Eurasianism in the 21st century (“neo-Eurasianism,” concepts of “Greater Eurasia,” “Northern Eurasia”). The simultaneous presence of universalism (on an all-Russian and continental scale) and pronounced “Russia-centricity,” as well as the combination of geoeconomic and geocultural isolationism with a strong integrative message across nations and countries, inherent in Eurasianism, are demonstrated. The necessity for the further development of Eurasianism, including within the framework of social geography issues, is substantiated.

Keywords: Eurasianism, National Doctrine, Eurasia, Russia, Social Geography

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Southern Federal University, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru